

— Ну ты и дуралей! — возмущался, растягивая слова, сторож дачного посёлка, закончив свою тираду, которую он только что вы́сыпал в лицо Сашке, пойманному им здесь же, неподалёку, на асфальтированной дороге, огибающей группу участков и забор садоводческого товарищества. — Хоть бы подальше кататься уехал. Кто ж так ворует?!

— Я не воровал, — утирал хлюпающий нос малолетний преступник. — Я на время взял...

Вокруг дач росли высокие тополя, покрытые плотными шапками листьев. Листья пели на ветру, заглушая описываемый разговор. Фоном всему громко каркала ворона, потревоженная суетой, происходившей на земле.

— «На время взял», — передразнил парня сторож, издевательски добавляя в слова звук «э». — Я те щас устрою «на время»! — рука сторожа описала полукруг и со звоном приземлилась на затылке Александра.

— Ай, больно! — заскулил Сашка, потирая место удара свободной рукой.

Второй он держался за могучий кулак сторожа, что крепко сжимал его свитер, и тщетно пытался разжать большие мужские пальцы, оттягивавшие крупную пряжу.

При звуке удара Джек, огромный сторожевой пёс, что сидел на привязи за деревянным частоколом, располагавшимся за спинами действующих лиц, и маячивший за этим частоколом крупным грязным белым пятном, залился лаем, вроде как поддерживая своего хозяина.

— Ничего, я тебя щас ещё в милицию пойду сдавать! — очнувшись от лая, продолжил сторож.

— Дядь Гринь, может, без милиции обойдёмся? — причитал подросток.

— Обойдёмся. Конечно, обойдёмся, — ехидно соглашался Григорий с малолеткой. — Вот как я с тобой обойдусь!

При этих словах широкая ладонь хлётко наградила Сашку оплеухой, на этот раз по щеке, и вновь Джек зашёл-ся в порыве возмущения и злости, как будто приговаривая: «Не воруй! Не воруй, сукин сын!»

— Куды?! — пацанёнок попытался вырваться после полученной пощёчины, но сторож внимательно следил за добычей, попавшейся в его силок. — Ещё и бежать вздумал?! На́ вот тебе! — и добавил ему очередного тумака.

Собака опять залаяла.

Сашка давно «облизывался» на мотоцикл, что стоял в гараже у Григория. Да и сам Григорий вроде как провоцировал, часто эксплуатируя свой двухколёсный транспорт: то в магазин, расположенный на территории дачных участков, поедет, то в лес отправится — и всё на глазах у пацана курсировал туда-сюда. А мальчишкам девяностых какая может быть ещё отрада, когда более старшие товарищи с упоением рассказывают, как с размаху разбивали кирпичи о стартёр «Макаки»? Сашка загорелся. Ему казалось, что весь мир крутится вокруг мопедов, мотороллеров, мотоциклов и больше ничего другого не существует. Он часто приближался к дачному участку сторожа и хозяйственным постройкам, расположенным на его территории, и с упоением смотрел сквозь пустоты меж досок забора, как только что вымытый мотоцикл подсыхал на солнце, блестя крашенным красной краской металлом. Вместе с желанием в голове парня стал зреть план реализации самой навязчивой идеи, которая формулировалась просто: покататься на мотоцикле. Скопировав в свой арсенал из детективных историй и шпионских новелл несколько, как ему казалось, наиболее эффективных приёмов, он тщательно разрабатывал план «операции». Наш главный герой отмечал для себя, когда дядя Гриша ходит на обход садоводческого товарищества,

когда выводит гулять Джека, где хранит мотоцикл, откуда выносит ключи, и множество иных подобных нюансов. «Комар носа не подточит», — был уверен Сашка.

Если бы кто всё это видел со стороны, отметил бы неординарность ситуации: худощавый подросток, одетый в длинный тёплый свитер не по размеру, целыми днями ходит вдоль и около чужого забора, всё что-то смотрит, всё что-то выглядывает. «Но ведь никто не видит», — нет-нет да промелькнёт у Сашки робкая мысль. С подобной мыслью была не согласна хотя бы соседка сторожа, старая баба Клавдия, дом которой находился напротив дома Григория:

— Чего ты там всё выглядываешь? — задала она как-то вопрос мальчишке своим шамкающим, уже давно беззубым ртом.

Мальчик смутился, надулся, как воробей зимой на ветке, и, быстро проговорив, ретировался под аккомпанемент собственной фразы, брошенной в ответ:

— Ничего, бабушка... Ничего не выглядываю.

Теперь нужно быть более осторожным. Он с опаской выходил на очередной свой «рейд»: прятался по кустам, следил со стороны дороги, подходил со стороны леса. В голове мальчишки план был расписан яркими вольными мазками, как копии картин Верещагина. «Теперь точно комар носа не подточит!» — выказывал уверенность Сашка. Но, как часто бывает в жизни, в самый неподходящий момент «операция» пошла кувырком, не по плану.

В энный раз выдвинувшись к участку сторожа, Александр дяди Гриши не застал. Не было и Джека. Видимо, хозяин повёл верного пса на выгул. Зато предмет вожделения стоял на месте, и он был доступен как никогда. В тот день Григорий выехал на мотоцикле рано утром в соседнюю деревню — были у него там свои дела: может, кто из женщин искусно гнал самогонку, а может, кто дёшево продавал из-под полы продукты. Этого мы с вами не знаем. Однако колея от дождя, прошедшего ночью, раскисла, и пока Григорий сделал путь в оба конца, и он, и его железный конь вымазались в грязи по самые глаза, уши и руль. Вернувшись из «путешествия», сторож решил не братья за мытьё себя, любимого, и своего любимого мототранспорта, а пойти развеяться после

долгой дороги. Он отвязал Джека, прицепил к его ошейнику поводок и потащил собаку с собой вокруг территории товарищества. Мотоцикл остался стоять посередине вотчины сторожа, за калиткой, закрытой на щеколду. Лучшего подарка для мальчика и придумать было нельзя!

«Пора! Сейчас самое время!» — шептал Сашке кто-то в левое ухо. Под этот шёпот парень открыл калитку и медленно вошёл к дяде Грише на территорию. «Сторож скоро вернётся — это не самая лучшая идея!» — говорил кто-то Сашке в правое ухо, заставляя мальчика медлить. Мотоцикл не манил к себе блеском, так как был после поездки «чумазеньким чертёнком» из скороговорки про чертёж, однако его вид, его доступность говорили — нет, кричали Александру о реализации идеи здесь и сейчас, прямо в эту самую минуту... И, как водится, парень сломался.

Мотоцикл оказался для него жутко тяжёлым, но, приложив все физические силы, что были скоплены в руках мальчика, он смог убрать подножку, вывести его за территорию участка и запустить стартёр. Двухколёсный транспорт утробно заурчал, выдавая полный спектр низовых частот, будто сердился на что-то или на кого-то. Сашке показалось, что мотоцикл говорит: «Не мой хозяин! Ты не мой хозяин! Поставь меня на место!» — «Плевать! — промелькнуло в голове у пацанёнка. — Поехали!» — будто Гагарин скомандовал перед стартом ракеты. Красавец железный конь и вскочивший на него парень медленно покатались мимо заборов садоводческого товарищества и деревянных построек. Баба Клава с крыльца дома напротив, молча провожая взглядом удалявшегося малолетку, лишь сокрушённо покачала головой: дескать, ох и достанется же ему от Гриньки.

«Наверное, этого достаточно! — не унимался голос в правом ухе. — Глуши мотор и ставь мотоцикл на место! Сторож скоро вернётся!» — «Нет-нет! Давай рули! Мы только входим во вкус!» — подначивал голос в левом ухе. «Действительно! Только входим во вкус!» — согласился со своим вторым «приятелем» Сашка и направил мотоцикл за общий забор товарищества.

Под колёсами стелился чуть влажный асфальт в две полосы — попутная и встречная. Остывающий воздух бил в

лицо и ерошил кудрявые волосы парня. Деревья, росшие по краю дороги ровным рядком, улетали за спину — они пылали вместе с алым закатом на небе из тысячи солнц. Под вечер распогодилось, и тучи убрались с небосвода, освободив место ранним Стожарам. Александру было некогда смотреть на окружавшее его великолепие — он летел над полотном в начинавших покрывать землю сумерках. Внутри мальчика всё ликовало. Он уже успел сделать круг и шёл обратно к дачам. Сашка в этот момент был по уши влюблён в езду. Что могло случиться потом — его совершенно не волновало.

Однако при приближении к забору товарищества «будущая расплата» проорала ему в лицо, точнее, в глаза, знакомым долговязым силуэтом, отчётливо выделяющимся на его полосе. При виде этого силуэта по спине пробежал холодок. Мотоцикл сбрасывал ход. Он медленно подкатывался к стоявшему, будто вылепленному из гипса, сторожу, а это был именно он. Дядя Гриша не сводил глаз с пацана и своего железного коня, осёдланного «чужаком» по кальке с песни про есаула. До встречи не хватало нескольких метров. В уши ударил стрекот кузнечиков, ранее заглушаемый рёвом мотора. Пацанёнок сдался.

Мотоцикл упёрся рулём в вытянутые вперёд руки сторожа, как бы говоря: «Вот, хозяин, я привёз его к тебе». От Сашкиной радости внутри ничего не осталось. Куда-то убежали и его «приятели», так усердно дававшие ему советы. Теперь же они замолчали, как разведчики на допросе. Остались только взгляд Гришкиных бледно-серых, практически прозрачных, зрачков, недобрым холодом устремлённых на Сашку, и стрекот тысячей тысяч кузнечиков, сидевших на стеблях трав где-то в поле, делавший окружающий воздух объёмным, более осязаемым. И в этот воздушный объём ворвался скрипящий басок сторожа, полоснувший острым лезвием по ушам:

— Слезай!

Нос обильно кровоточил. Кровь замазала Сашкины запястья и крупными каплями падала ему на свитер.

— Дядь Гринь, ну отпусти, ну понял я всё, — взмолился уже в который раз пацанёнок сквозь хлюпанье, слёзы и

монотонные удары, сыпавшиеся на него через его же руки, которыми он тщетно пытался их (удары) смягчить.

Сторож вошёл в азарт и никак не мог остановиться, истязая парня.

— Григорий, не дури! Отпусти немедленно! — донёсся, прорезавшись через стоны, причитания и собачий лай, до мужика голос бабы Клавдии, наблюдавшей за всем действием с традиционного для неё пункта — крыльца своего дома.

— Молчи, дура! — огрызнулся Гришка, но хватку ослабил.

Видимо, баба Клавдия навела его на новую мысль. Сашка почувствовал перемену и взмолился ещё усердней.

— Дядь Гринь, ну всё, ну прости меня, — цеплялся за руку сторожа малой, стоя на коленях в грязи.

Сторож с усилием оттолкнул Александра, повалив его на спину. Затем пристально посмотрел ему в глаза всё теми же прозрачными серыми зрачками и коротко проговорил:

— Беги!

Повторного приглашения не потребовалось. Сашка в одно мгновение поднялся и припустил наутёк, на ходу размазывая руками кровь, обильно текущую из носа. «Быстрее! Не оглядывайся!» — снова заговорил один из «приятелей» в правое ухо. «Повылезали, окаянные! — пронеслось у мальчика в голове. — Когда надо было советовать — молчали как рыбы!» — «Обернись, посмотри! Ты же хочешь знать, что происходит у тебя за спиной?» — шептал другой «приятель» в левое ухо. Сашка остановился и развернулся всем корпусом назад — этого «друга» он почему-то слушал больше. В конце проулка, по которому только что пробежал Александр, в сгущающихся сумерках маячило, приближаясь к нему, большое грязное белое пятно. За ним вприпрыжку поспевал долговязый силуэт, держа в руках что-то длинное, металлическое. От этого зрелища у Сашки спёрло дыхание. Он что есть мочи помчался вдоль домов. Руки и ноги наливались свинцовым страхом, а в голове гудело оркестром: «Мне конец!»